

Мне снилось море. Волны ласково омывали золотой песок, кричали чайки, а солнце слепило глаза. Все еще пребывая в сладкой дреме, я подумала: «Надо выбраться на море хоть на недельку», — и тут зазвонил будильник. Я торопливо приподнялась и заставила его замолчать, потерла глаза и со вздохом повернула голову, беспокоясь, что муж проснулся: в офис ему надо к десяти, и он мог бы еще час спать в свое удовольствие.

Однако постель рядом со мной была пуста. Я сунула ноги в тапочки и побрела на кухню, пытаясь окончательно пробудиться. Муж накрывал стол к завтраку, двигаясь, как всегда, неторопливо. Он не терпел спешки и все делал основательно. Я такими достоинствами не обладаю.

— Привет, — потянувшись, сказала я.

Анатолий улыбнулся, подошел ко мне, обнял и поцеловал в нос.

— Привет, — ответил он весело. — Как настроение?

— Пока не знаю. Ты чего вскочил так рано?

— Как же, — усмехнулся он, — у тебя трудный день...

День в самом деле предстоял не из легких: сегодня отчетный концерт в музыкальной школе,

где я работаю. Усмешка мужа относилась не к данному факту, а к моей работе вообще. Еще пять лет назад он высчитал, что за год я зарабатываю в десять раз меньше, чем он за месяц, и настойчиво рекомендовал мне оставить работу. Рекомендации я пропускала мимо ушей, мне моя работа нравилась. Муж в конце концов смирился. После рождения Сашки, нашей дочки, он надеялся, что я образумлюсь (это его слова, а не мои), но по прошествии года и двух месяцев я заспешила на работу, и Анатолий с тяжким вздохом признал за мной это право, однако из вредности называл работу в детской музыкальной школе то альтруизмом, то «этой твоей затеей». Сии слова я близко к сердцу не принимала, и жили мы вполне счастливо.

— Волнуешься? — спросил Анатолий, наблюдая, как я с отсутствующим видом помешиваю кофе.

— Ага, — кивнула я.

— Уверен, ты прекрасно подготовилась.

— Дело ведь не только во мне.

— Вот увидишь, все пройдет отлично, — заверил он, перегнулся через стол и подмигнул мне. — Выше нос.

— Да все нормально, — улыбнулась я, хоть по обыкновению уже начала трястись перед концертом. — Ты приедешь? — помедлив, спросила я.

— Надеюсь. То есть я буду очень стараться, и если не случится ничего сверхнеожиданного... Ведь для тебя это важно...

— Не забудь, начало в 17.00.

— Ты же знаешь, я никогда ничего не забываю, — улыбнулся он, и это было чистой правдой.

— Юля приведет Сашку ко мне в школу, — со-

общила я. — Если на концерте она устанет, Юлия погуляет с ней в парке.

— Да, конечно, — кивнул Анатолий. — Потом отправим их домой, а сами закатимся в ресторан отмечать твою безоговорочную победу.

— Смотри не сглазь, — засмеялась я.

Мы закончили завтрак, на сборы я потратила сорок минут, поэтому к Сашке заглянула лишь на секундочку. Она спала, обхватив белого медвежонка, и я в который раз за утро решила, что я счастливая женщина.

Дверь напротив детской открылась, и появилась Юлия, Сашкина няня. Она работала у нас вот уже три года. Отдавать Сашку в детский сад муж категорически отказался, и с этим пришлось считаться. Юлия была моей ровесницей, и мы быстро подружились.

— Уходишь? — понизив голос, спросила она.

— Уже бегу.

— Ни пуха ни пера.

— К черту.

Анатолий, сменивший халат на костюм, вышел вместе со мной в гараж.

— Увидимся в пять, — сказал он на прощание и махнул рукой, я кивнула и через три минуты выехала на проспект Мира, который вел к нашей школе.

День выдался суматошный. Вроде бы ничего еще толком сделать не успела, а стрелки часов уже показывали 16.30. Через пятнадцать минут появились Юлия с Сашкой. Я устроила их неподалеку от выхода, чтобы в случае необходимости они могли

покинуть зал, никого не беспокоя. Сашка на редкость усидчивый ребенок и музыку любит, однако концерт был рассчитан на три часа, многовато для четырехлетней девочки.

За пять минут до начала концерта позвонил Толя.

— Извини, у меня важная встреча, отменить не получается. Приеду позже.

— Хорошо, — пробормотала я, едва не заревев с досады. Конечно, его работа ни в какое сравнение не шла с моей, и все же... и все же было обидно.

Но он все-таки приехал. Выглянув из-за кулис, я увидела, что муж сидит рядом с Сашкой. Не поверите, как меня это обрадовало, я летала как на крыльях, что бы я ни делала в тот вечер, все у меня получалось. Правда, через час Анатолий уехал, но и это испортить мое хорошее настроение уже не могло.

Концерт прошел прекрасно. И думала так не только я. В общем, если это и не триумф, то с успехом я вполне могла себя поздравить, что и незамедлительно сделала. После концерта я еще немного задержалась в школе. Юлия с Сашей отправились в парк. Через час школа опустела, и я с чувством выполненного долга смогла ее покинуть.

Парк начинался в нескольких метрах от центрального входа в школу. С двух сторон его окружали улицы, с третьей — примыкали гаражи городской администрации, расположившейся рядом. Возможно, из-за этого соседства парк всегда выглядел образцово: деревья и кусты подстрижены, дорожки подметены, детская площадка как

новенькая, а фонари исправно горят. По этой причине парк был нашим излюбленным местом для прогулок.

Я немного прошла по дорожке и осмотрелась. Юли с Сашкой не было видно, должно быть, они на площадке. Я на мгновение замешкалась, прикидывая, стоит ли позвать их, но потом решила, что лучше немного пройтись, и зашагала дальше. И тут я услышала Юлин голос.

— Саша! — тревожно крикнула она, потом опять: — Саша!

А я ускорила шаг. Юля продолжала звать Сашку, и это вдруг меня напугало. Через минуту я увидела Юльку, она бестолково металась по детской площадке. Заметив меня, с беспокойством спросила:

— Сашка с тобой?

— Нет, — ответила я, категорически запретив себе впадать в панику.

— Мы в прятки играли. Она спряталась, и я не могу ее найти.

— О господи, — вздохнула я, — ты меня напугала.

— Я ищу ее уже минут пять.

— Саша! — громко позвала я. — Бегом ко мне. Я страшно соскучилась и хочу тебя поцеловать.

Тишина. Ни шороха, ни звука. Конечно, можно предположить, что ребенку доставляет удовольствие наше беспокойство, но на Сашу это не похоже.

— Сашенька, — просила Юлька, — пожалуйста, покажись нам.

Ни на площадке, ни на соседней аллее не было ни души. Мы испуганно огляделись.

— Стой здесь, — кивнула я, — а я пробегусь по парку. Может, она спряталась в том конце и не слышит нас.

Я бросилась бегом по аллее, зовя Сашку и без конца оглядываясь. Навстречу шла молодая пара.

— Простите, вы не видели девочку четырех лет? — кинулась я к ним. — В малиновом комбинезоне...

— Вон там у качелей какие-то дети, — махнул рукой парень, и я побежала туда. Конечно, Сашка заигралась с детьми и на наши крики не обращает внимания. Стайка ребятишек носилась возле качелей, Саши среди них не было, да и дети по возрасту ей не подходили, младшей было лет восемь.

— Вы не видели девочку?.. — начала я. Конечно, они ничего не видели. Машин здесь нет, следовательно, ничего страшного произойти не могло, уйти из парка самостоятельно Саша тоже не решится, она послушный ребенок. Выходит, она просто спряталась... А вдруг она упала и потеряла сознание? А если провалилась в канализационный колодец или какую-нибудь яму?

— Боже мой, — пробормотала я, поспешно достав из сумки телефон: надо позвонить Толе, в милицию, еще куда-нибудь... И тут телефон зазвонил.

— Ангелина Петровна? — спросил незнакомый мужской голос, когда я ответила. — Вы ищите Сашу? С ней все в порядке. Сейчас вы стоите лицом к гаражам, так вот, вам стоит пройти метров триста, свернуть за ближайший гараж, и тогда вы увидите девочку.

— Но я ничего не понимаю...

— А не надо ничего понимать. Вы делаете, что

вам говорят, если, конечно, хотите увидеть своего ребенка.

— Что я должна делать? — растерялась я.

— Я уже сказал.

Я бросилась к гаражам, свернула и едва не нагнулась на огромный джип «Шевроле». Все остальное произошло в считанные секунды. Дверь распахнулась, появился мужчина, которого в первое мгновение я даже не успела разглядеть, схватил меня за локоть и втащил в машину. Впрочем, я и не сопротивлялась, потому что увидела Сашку. Она сидела на заднем сиденье и вертела в руках тряпичного Петрушку с колокольчиками на колпачке, которые забавно звенели, а Сашка улыбалась. Я схватила ее на руки и прижала к груди.

— Сашенька...

— Мама, посмотри, какой смешной...

— Где ты это взяла?

— Мне тетя дала. А где Юля? Юля с нами поедет?

Машина тронулась, а я огляделась. Кроме водителя, в машине находились еще трое мужчин. Вид они имели равнодушный и даже скучающий. Старшему было чуть больше сорока, выглядел он преуспевающим бизнесменом.

— Что происходит? — спросила я, обращаясь к нему.

— Ничего особенного, — пожал он плечами. — Обстоятельства сложились так, что вам некоторое время придется побыть у нас.

— У вас?

— Да. Нравится вам это или нет, но... в общем, вы понимаете.

— Ничего я не понимаю. Какие обстоятельства? Кто такие «вы»?

— Мы — это я и мои друзья. А обстоятельства в настоящий момент непростые. А если вы вздумаете валять дурака и раздражать нас по пустякам, могут и вовсе стать для вас трагическими. Поэтому держите себя в руках и не задавайте глупых вопросов.

— Куда мы едем? Что все это значит?

— Заставите нас нервничать — горько пожалеете об этом, — пожал плечами мужчина.

Парень, сидевший напротив, взял мою сумку и вытряхнул содержимое себе на колени. Мой содовый передал старшему, все остальное сгреб обратно в сумку и отдал мне. Я посмотрела за окно — мы выезжали из города, через пятнадцать минут пригород остался позади, мы свернули на проселочную дорогу.

— Вы мне скажете, что происходит? — не выдержала я.

— Скажи ей, — кивнул мужчина.

Парень усмехнулся, его ладонь коснулась моей шеи, а потом все поплыло перед глазами, я крепче вцепилась в Сашу и успела подумать: «Это происходит не с нами».

Когда я вновь пришла в себя, первой моей мыслью было: «Что с Сашкой?» Слава богу, она по-прежнему сидела у меня на руках и испуганно тарщила глазенки.

— Мама, ты спала? — спросила она тихо, плотнее прижимаясь ко мне.

— Да, дочка, — поспешно заверила я. — У меня был трудный день, вот я и уснула.

— Дядя сказал, что помог тебе уснуть. Он не сделал тебе больно?

— Конечно, нет, милая. Дядя хороший, — прошептала я, косясь на парня, потом торопливо огляделась.

Мы по-прежнему ехали по проселочной дороге, такой узкой, что двум машинам ни за что не разъехаться. По обеим сторонам сплошной стеной стоял лес. Сколько времени мы едем? Что-то я не припомню особо лесистой местности вблизи города. И тут же с испугом я подумала: зачем нас везут в такую глухомань? С какой целью эти люди похитили нас?

Машина сбавила скорость и вскоре совсем остановилась. Впереди виднелся забор с большими воротами. Один из парней вышел из машины, и через минуту ворота открылись. Мы въехали во двор, заросший травой, прямо перед нами стоял деревянный дом, с виду довольно просторный, ставни на его окнах были закрыты. Слева колодец и то ли сарай, то ли гараж, сразу не поймешь, тоже из бревен.

— Выходите, — приказал мужчина.

Выбраться из машины с Сашкой на руках было не так просто. Мужчина попытался взять ее на руки, но я не позволила. Он покачал головой и поддержал меня за локоть, в этом жесте чувствовалась настоящая забота, я даже подумала: «Может, не все так скверно?»

Вслед за ним я поднялась на крыльцо и вошла в дом. Поскольку ставни были закрыты, в помещении горел свет. Мы находились в большой комнате, вдоль стен которой стояли простые деревенские лавки, посередине стол, два кресла, слева на

стене вешалка, на которой в настоящее время висел моток веревки.

— Прошу вас, Ангелина Петровна, — кивнул мужчина на ближайшую лавку, — присаживайтесь.

Я села и вновь подхватила Сашку на руки.

— Вы мне так и не объяснили.... — начала я, но он перебил:

— А я и не обязан. Будьте добры, выслушайте меня очень внимательно. Несколько дней вам придется пробыть здесь. Скорее всего около двух недель. Возможно, больше. Ребенок останется при вас. Разумеется, в том случае, если вы будете вести себя сдержанно, то есть выполнять те несколько правил, что мы установим. Дом покидать нельзя. Предпримете такую попытку — и лишитесь ребенка. Предупреждаю сразу, заверения типа «я больше не буду» впечатления не произведут, так что подумайте как следует. Повара-француза не обещаю, но в разумных пределах вы получите все, что потребуется. Так как вам придется пробыть здесь несколько дней, вам и ребенку необходимы кое-какие вещи. Прошу вас составить список, завтра эти вещи доставят. Конечно, увлекаться не стоит, это действительно должно быть самым необходимым. Вот вам листок бумаги и ручка, пишите...

— Да, конечно, — кивнула я и даже взяла ручку, но потом положила ее на стол и попросила: — Ради бога, объясните, что происходит?

— Ангелина Петровна, одно из правил — не задавать вопросов.

— Но поймите, я же...

— Я вас прекрасно понимаю. Беспокоиться

вам не о чем и бояться нечего. Если вы проявите благоразумие, вернетесь домой. Разумеется, при условии, что не будете создавать нам трудностей. Если такое желание у вас все-таки возникнет... Впрочем, я рассчитываю на ваш ум. Предупреждаю сразу, истерики, а также вопросы и все такое прочее приведут к ужесточению условий содержания. Вас просто привяжут к стулу и сунут кляп в рот. Уверяю, провести две недели в таком положении весьма неприятно. Будьте сдержанны и терпеливы, и тогда все у нас с вами будет хорошо.

— Это как-то связано с моим мужем? — не удержалась я. — Я имею в виду... вы намерены получить выкуп? Можно мне позвонить мужу? Я...

— Позвонить нельзя. Если потребуется, мы сами вас попросим об этом. Напоминаю: вопросы вы не задаете, и это последний раз, когда мне приходится повторяться. Вы все поняли?

— Я ничего не поняла, — ответила я не очень любезно, — но раз объяснять вы не собираетесь...

— Вот именно. Теперь я прошу вас пройти в соседнюю комнату, где вы и будете содержаться.

Меня покорило от его слов, однако я поднялась и прошла вслед за ним в комнату по соседству. Она была чуть больше, под потолком горела лампочка, на стене возле двери еще одна. Лавка, на полу два матраса, подушки и одеяла, стопка постельного белья. Ни мебели, ни каких бы то ни было других предметов.

— Лаконично, — пробормотала я.

— Что? — поднял брови сопровождавший меня мужчина. — А... я так полагаю, вы шутите.

— Пытаюсь.

— Рад, что встретил человека с чувством юмо-

ра. Что ж, располагайтесь. Вот здесь душевая, справа туалет. При посещении данных мест тоже устанавливаются правила. В туалет ребенка будет сопровождать охранник, вас на это время запрут в комнате. Если вы, к примеру, пойдете в душ, в комнате запрут ребенка. Все это я объясняю для того, чтобы вы поняли: удрать отсюда затруднительно. Ребенок вымыться сам не сможет, вам придется сопровождать его, следовательно, дверь в душ должна быть открыта, чтобы вы обе находились у охраны на глазах. Попробуйте нарушить правила и... Впрочем, об этом я уже говорил. Итак, составляйте список. — Он взглянул на часы. — Поторопитесь, времени у меня немного.

Не помню как, но список я составила, уложившись в пятнадцать пунктов. Мужчина пробежал его взглядом и усмехнулся.

— Думаю, все необходимое вы получите. — Он повернулся ко мне спиной и не торопясь покинул комнату, вызвав у меня нечто похожее на сожаление: я не теряла надежды хоть что-то узнать.

Дверь в комнату осталась открытой настежь, через минуту в соседней комнате появился парень, которого я видела в машине, он подтащил кресло к самому порогу, сел и уставился на нас с Сашкой.

— Это что, тоже правило? — испуганно пробормотала я. Он не ответил, но и так стало ясно: вряд ли он уберется отсюда.

Мы с дочкой устроились на лавке и обнялись.

— Мама, — прошептала Саша, — почему дядя здесь сидит?

— Он нас охраняет, — ответила я первое, что пришло в голову.

— От зверей?

— Почему от зверей?

— Здесь же лес.

— Ах да, конечно. От зверей.

— Здесь есть волки?

— Не думаю. Волки в наших лесах редкость.

— А крокодилы?

— Ты же знаешь, крокодилы живут в Африке.

— Конечно, я знаю, — вздохнула Сашка и спросила жалобно: — Мамочка, а нам обязательно здесь сидеть?

— Видишь ли... — начала я, но она перебила:

— Мы поедем домой?

— Конечно. Но не сегодня. Ты же слышала, что дядя сказал, нам придется здесь немного пожить.

— А папа?

— У папы много дел. Давай я тебе расскажу сказку.

Я рассказывала ей сказки до тех пор, пока она понемногу не успокоилась и не перестала коситься на парня в кресле. Впрочем, я сидела к нему спиной, стараясь загородить его от Сашки. Обняв меня, она начала дремать, и я перенесла ее на матрас, застелила постель и уложила ребенка спать, а потом и сама легла рядом. Парень поднялся, чем здорово напугал меня, но оказалось, что он просто выключил верхний свет, теперь в комнате горела только лампочка над дверью. Ужином нас не накормили, да я о нем и не вспомнила. Саша дважды за вечер просилась в туалет, и парень отводил ее, каждый раз запирая дверь комнаты на ключ, а

я не могла дожидаться, когда вновь увижу своего ребенка. Меры предосторожности они приняли суровые, это приходилось признать. Я лежала спиной к охраннику и кусала губы, прислушиваясь к дыханию дочери. Поворачиваться было страшно, чужой взгляд жег затылок, а свет раздражал. Где-то я читала, что в тюрьме спят со светом. Что ж, здесь самая настоящая тюрьма. Кто эти люди, точнее, кем они могут быть? Разговаривающий со мной мужчина на бандита совершенно не похож, и речь у него специфическая... чиновничья, что ли... Какая глупость, чиновники людей не похищают. Конечно, это бандиты. Им нужен выкуп. Анатолию уже звонили? При мысли о муже я тихо заревела от тоски, а еще от жалости к нему. Каково ему сейчас? Господи, лишь бы все поскорее кончилось. Я пыталась настроить себя на оптимистический лад. Анатолий заплатит любые деньги, а этот тип сказал... И тут ко мне явилась мысль, которая по-настоящему меня испугала: эти люди не прячут лиц. Следовательно, отпустить нас никто не собирается. Я покрылась холодным потом и зажмурилась от ужаса. Конечно, этот мерзавец пел соловьем с одной целью: успокоить меня, чтобы я не создавала лишних проблем. Неужели они способны убить ребенка? Что может рассказать о похитителях четырехлетняя девочка? А если они не захотят рисковать? Господи... Я кусала губы, пытаюсь держать себя в руках, но страх не проходил, я молилась и жалась к Сашке, мне очень хотелось поверить в чудо: я усну, проснусь, и тогда вдруг окажется, что все происходящее лишь дурной сон.

Утро ничем не отличалось от вечера, то есть установить, какое на дворе время суток, было невозможно, ставни по-прежнему были плотно закрыты. Я взглянула на часы, они показывали девять. Саша спала, я зажмурилась, не надеясь больше уснуть. Рядом хлопнула дверь, послышались шаги, а потом и мужской голос. Я боялась повернуться и посмотреть, что происходит.

— Как дела? — спросил мужчина.

— Работенка не пыльная, но уж больно нудная, — ответил ему наш ночной страж. — Баба ведет себя тихо, девчонка смиренная. Ты им барахло привез?

— Да, вот здесь, в сумке.

— А что со жратвой?

— И жратву привез. Иди поешь.

— Нет уж, потерплю до дома. Мне это сидение уже в печенках.

Они простились, вновь шаги и скрип двери. Кто-то прошелся по соседней комнате, затем все стихло, а вскоре проснулась Саша.

— Мама, я домой хочу, — прошептала она, лишь только открыла глаза.

— Придется потерпеть, солнышко, — улыбнулась я. — Очень тебя прошу.

— Ты плачешь?

— Нет.

— Ты говоришь неправду. Ты плачешь. А еще говорила, что плакать не умеешь. Что-то плохое случилось? Что-то очень плохое?

— Да, солнышко. Но если мы будем правильно себя вести, все плохое непременно кончится.

— И мы поедем к папе?

— Конечно.

— Я буду хорошо себя вести, — заверила Сашка.

Охранников было трое, они менялись каждые восемь часов. В первую ночь дежурил Слава, я слышала, как его назвал так сменивший его парень. Этот Слава производил впечатление умственно отсталого. Лицо круглое, невыразительное, в глазах пустота, на губах глуповатая улыбка, чему он улыбается, понять невозможно. За мной он наблюдал старательно, но в общем-то равнодушно. Я пыталась не обращать на него внимания, и мне это почти удавалось.

Второй охранник по-настоящему меня пугал, хотя объяснить причину своего страха я затруднялась. От него я не услышала ни слова, если мне требовалось в туалет, он молча кивал и провожал меня, можно было подумать, что он немой, потому что и с остальными охранниками он не разговаривал. По крайней мере я этого не слышала. Когда я исподтишка наблюдала за ним, казалось, он вроде бы не обращает на меня внимания, но стоило мне повернуться спиной, и его взгляд тут же начинал сверлить мне затылок. Было в нем что-то настораживающее, во взгляде, в походке, в самой фигуре, в том, как он сидел, развалившись в кресле, лениво двигал челюстями с любимой жвачкой. Такому убить человека, должно быть, не в диковинку... Я ничего о нем не знала, но была уверена — он убийца. Лет тридцати пяти, может, меньше, высокий, плечистый, на первый взгляд неповоротливый увалень, но только на первый,

понаблюдав за ним некоторое время, становилось ясно, впечатление это обманчиво, повадками он напоминал кобру: пугающее спокойствие — и вдруг молниеносный бросок. Его способность сидеть часами, практически не двигаясь, приводила меня в ужас, было в этом что-то звериное. Он закидывал ногу на ногу, устремлял взгляд в пространство и монотонно двигал челюстью, свесив руки с подлокотников кресла. Широкая ладонь с короткими пальцами тоже рождала ассоциации с животным, впечатление усиливали рыжеватые волосы, покрывавшие руки, точно шерсть лапы зверя. Лицо беспокоило некоей неправильностью, оно было явно асимметричным, верхняя губа вздернута, точно он презрительно усмехался. На второй день, когда он провожал меня в туалет, я поняла, в чем дело: с левой стороны, ближе к уху, лицо его было изуродовано шрамами, которые успели затянуться, скорее всего след старого ожога. Я боялась оставить с ним Сашку даже на минуту и с ума сходила от беспокойства, когда он провожал ее в туалет. Казалось, в нем начисто отсутствовали нормальные человеческие эмоции, и это было страшнее всего.

Третий охранник, парень лет двадцати семи, шатен с ярко-синими глазами. Я почти сразу сделала на него ставку. К тому времени окончательно стало ясно: живыми нас отсюда не выпустят. Если я хочу спасти Сашку, необходимо что-то предпринять, попросту говоря, сбежать, а без посторонней помощи это дело безнадежное. Появление Олега, а именно так звали парня, зародило в моей душе робкую надежду. Прежде всего он улыбнулся мне, лишь только устроился в кресле, а псих, так я

мысленно окрестила второго охранника, исчез с моих глаз. Я поспешно отвернулась, он не сказал ни слова, но где-то через час предложил:

— Может, хотите чаю?

— Нет, — ответила я, не поворачиваясь к нему.

— Может, Саше что-нибудь надо? Есть сок, ананасовый и персиковый.

Такая забота в первое мгновение вызвала у меня приступ бешенства, хотелось орать, топтать ногами и послать этого Олега к черту с его добротой. Конечно, я себе этого не позволила и ответила:

— Спасибо, ничего не надо.

— Мама, я хочу сок, — зашептала мне на ухо Сашка, и пришлось обратиться к парню. Сок он принес и, передавая мне пакет и пластиковый стакан (иная посуда отсутствовала, может, они опасались, что я по примеру графа Монте-Кристо начну рыть подкоп алюминиевой ложкой?), так вот, передавая мне пакет, он опять улыбнулся, и выглядело это вполне по-человечески.

Но радоваться я не спешила. Нормальные люди женщин и детей не похищают, следовательно, оболящаться тем, что парень так мило улыбается, не стоит. Как известно, маньяки часто выглядят тихими, скромными людьми, которым ты охотно доверишь перевести через дорогу своего ребенка. Однако вскоре во мне затеплилась надежда, а потом появилась мысль, что при правильном подходе я смогу убедить его помочь мне выбраться отсюда.

Когда находишься с человеком в одной комнате восемь часов подряд на протяжении нескольких дней и при этом ни ты, ни он ничем особо не заняты, поневоле начинаешь приглядывать-

ся к человеку и узнавать его. Так вот, очень скоро я решила, что с Олегом мне повезло, он хороший парень. Приходилось только удивляться, какая нелегкая занесла его в эту компанию. Он был не прочь поболтать, а я слушала и время от времени кивала, никакой ценной для меня информации разговоры не несли, он болтал о погоде, о рыбной ловле, о фильмах, которые смотрел на днях, еще рассказывал о племяннице, которой, как и Саше, четыре года. Племянницу он очень любил, лишь только он вспоминал о ней, лицо его становилось нежным и даже красивым.

На следующий день он явился на дежурство с большим пакетом под мышкой, сменил на посту Славу и, как только тот ушел, развернул пакет. В нем оказался альбом для рисования, карандаши и краски, а также две толстые книжки сказок. Сашкиному счастью не было предела. Она рисовала целый день и вроде бы на время забылась.

— Мама, нарисуй зайчика, — попросила она.

Художником я была весьма посредственным, и заяц у меня вышел похожим на оригинал лишь длиною ушей, но Сашке он понравился, она весело хохотала, тыча в него пальцем.

— А я умею рисовать бегемота, — заявил Олег, с улыбкой наблюдая эту сцену. — Хочешь, тебя научу?

— Хочу, — обрадовалась Сашка, и через минуту они устроились рядом и занялись рисованием. Будь у меня под рукой что-то тяжелое, мне бы ничего не стоило подойти со спины и огреть Олега по голове. Если в доме мы втроем (а так, судя по всему, и было), это реальный шанс выбраться, да вот беда, ничего тяжелого под рукой не было.

Возможно, такие мысли не делали мне чести: человек с пониманием отнесся к нашему положению и пытался облегчить его в меру сил, надо бы спасибо сказать, а не вынашивать коварные замыслы, но мне на это было наплевать, я думала лишь о том, как спасти своего ребенка. В общем, пришлось лишь горько сожалеть, что я упустила такую возможность.

Урок длился где-то около часа, и Сашка была совершенно счастлива, когда смогла самостоятельно нарисовать бегемота.

— Молодец, — похвалил Олег и отправился на свое кресло, а я стала читать дочке сказку.

К концу своей смены он сделался менее разговорчивым и вроде бы даже погрустнел. Около восьми появился псих, вошел, по привычке огляделся, не поздоровался с Олегом, должно быть, считая это излишним, и тут взгляд его упал на альбом и краски, которые все еще лежали на лавке.

— Это что? — вдруг спросил он, разворачиваясь к Олегу, тогда-то я впервые услышала его голос, он был неприятным, под стать его внешности.

— Что? — удивился Олег. Голос его звучал неуверенно, он сам это почувствовал, откашлялся и сказал: — Что особенного? Принес девочке краски... — Договорить он не успел. Псих легко приподнял его с кресла и ударил так, что Олег пролетел пару метров и, не удержавшись на ногах, упал.

— Придурок, — покачал головой псих, перевел взгляд на меня и бросил: — Успокой ребенка. — Потому что перепуганная Сашка зашлась отчаянным криком: ранее таких сцен ей наблюдать не

приходилось, да и мне тоже, поэтому напугана я была не меньше, хоть и не издала ни звука.

Олег поднялся и, не глядя в нашу сторону, поспешно ушел, а мы с Сашкой забились в угол, спиной к этому мерзавцу, боясь повернуться, и так просидели до тех пор, пока Сашка не начала дремать. Рано утром его сменил Слава, и я вздохнула с облегчением. Восемь часов тянулись очень медленно, я гадала, появится сегодня Олег или нет. Психу ничего не стоило рассказать о происшедшем своим хозяевам, и у Олега могли быть неприятности. Скорее всего парня заменят другим охранником.

Однако в положенное время он появился в доме. Увидев его, я не смогла скрыть вздоха облегчения. Как только мы остались одни, Олег достал из сумки куклу Барби и протянул Сашке:

— Держи, это тебе в подарок от моей племянницы.

— Не надо, — испугалась я.

— Вашей дочке не нравится Барби? — улыбнулся он.

— Не в этом дело. У вас будут неприятности. Этот человек... не знаю, как его зовут...

— Да пошел он... Что плохого в том, что я принес куклу? Девочка целый день взаперти, надо же ей чем-то играть.

— Спасибо вам, но... я не хочу, чтобы он...

— Он что, приставал к вам? — нахмурился Олег.

— Он? — пролепетала я: даже теоретическая возможность такого шага вызывала у меня животный ужас. — Нет... мне ведь обещали, что если я... если мы... нас никто не тронет.

— Он психопат, и похоже, ему наплевать на чьи-то обещания. Просто я видел, как он на вас смотрит. Поосторожнее с ним. Извините, не стоит об этом говорить при ребенке.

Я стояла замерев, боясь пошевелиться, и только после его слов вспомнила о Сашке. Она ничего не поняла из нашего разговора и ждала момента, когда можно будет поиграть с Олегом.

Мы пообедали, я купала Сашку, и она уснула в обнимку с куклой. Я села рядом и тарасилась на дочь, пытаюсь сдержать слезы.

— Не переживайте, — подал голос Олег, — я уверен, все будет хорошо. Потерпите немного.

— Вы знаете, почему нас здесь держат? — повернувшись к нему, спросила я.

— Нет. Но догадаться нетрудно.

— Они требуют деньги у моего мужа? — Я сама удивилась, сказав «они», но поправлять себя не стала.

— Ничего об этом не слышал. Думаю, все дело в бизнесе. Что-нибудь не поделили, теперь будут улаживать. Надо просто потерпеть.

— Они ведь не убьют ребенка, правда? Ребенок совершенно ни при чем, — испуганно сказала я.

— Конечно, нет. Не думайте об этом. Никто вас не убьет. Вот увидите, они договорятся... Ну, заставят вашего мужа пойти на какие-то уступки. Главное, чтобы вы вернулись домой. Все будет хорошо, — закончил он.

«Может, предложить ему деньги? Судя по всему, парня просто наняли нас охранять; сколько бы ему ни заплатили, муж заплатит в десять раз больше. Но как сказать ему об этом? Что, если он отка-

жется? Я не должна все испортить своей торопливостью. Надо набраться терпения, попытаться расположить его к нам, чтобы ему в самом деле захотелось помочь. Вопрос, есть ли у меня на это время? Что, если я теряю драгоценные часы и потом горько пожалею об этом? Вот сейчас скажу ему: «Олег, мой муж заплатит сто тысяч долларов, только отвези нас к нему». Не сделать бы хуже. Что, в сущности, я знаю об этом парне? Ничего. И доверять ему тоже не могу. Сто тысяч большие деньги, не попасть бы из огня да в полымя».

— Через полчаса закончится моя смена, — заметил Олег, взглянув на часы. Прозвучало это так, точно данное обстоятельство являлось для него величайшим несчастьем.

Я почти решилась заговорить, но что-то удержало меня в последнюю минуту, и я промолчала, затем вспомнила о кукле и попросила Сашку:

— Давай уберем Барби, думаю, ей надо немного отдохнуть, она устала от игр.

— Но почему, мама? — захныкала Сашка. — Барби любит играть.

— Лучше все-таки убрать ее, к примеру, под подушку.

— Если вы из-за меня, то напрасно, — вмешался Олег. — Я не вижу ничего плохого в том, что сделал, и прятаться не собираюсь.

— Но этот человек... он думает иначе, и я не хочу..

— Да пошел он к черту... Хотя, конечно, раздражать его не стоит. В общем, решайте сами.

Я все-таки уговорила Сашку убрать куклу.

— Он всегда приезжает минут за пятнадцать, — вздохнул Олег, вновь взглянув на часы. — Если бы

я мог оставаться с вами все время... Славка немного тормозной, но в общем-то неплохой парень, в том смысле... Ну, вы понимаете. А этот психопат. Я боюсь за девочку, мало ли что придет ему в голову...

Лучше бы он не говорил этого. Ни о чем другом я больше думать не могла. Он провожает моего ребенка в туалет, запирая меня в комнате, остается с ней один на один, и я ничего не смогу сделать...

— Что с вами? — спросил Олег, поднимаясь. — Вы побледнели...

— Неважно себя чувствую.

Я схватила Сашку и прижала к себе, устроившись на лавке. Хлопнула входная дверь, послышались шаги, Олег повернул голову и сказал слегка заискивающе:

— Привет, Алексей. — А я боялась поднять глаза. Он не ответил, Олег уступил ему место, он устроился в кресле и вдруг поманил Сашку рукой.

— Иди-ка сюда.

— Зачем? — испугалась я.

— Тебя не спрашивают. Иди, — повторил он.

— Что вы хотите от моего ребенка? — боясь сорваться на крик, спросила я, но Сашка выскользнула из моих рук и пошла к нему. Я хотела броситься следом, но заставила себя успокоиться. Сашка подошла почти вплотную, он взял ее за руку и неожиданно улыбнулся. Мне его улыбка показалась фальшивой, да и не умел он улыбаться. Верхняя губа вздернулась, обнажив неправдоподобно белые зубы.

— Скажи-ка, что тебе дядя принес сегодня?

— Дядя Олег? — отважно спросила Сашка.

— Точно, дядя Олег. — Он попытался улыбнуться еще шире.

— Барби. Хотите покажу?

— Ну, давай.

Сашка припустилась к постели, достала куклу и гордо вернулась с ней.

— Хорошая кукла, — кивнул Алексей и перевел взгляд на Олега. — Ума у тебя, как вижу, не прибавилось, — сказал он с намеком на печаль.

— Подумаешь, кукла, — нахмурился Олег.

— Ты дурака-то из себя не строй, — презрительно фыркнул Алексей. — Добреньким хочешь быть? И вашим и нашим?

— Чего ты несешь? — повысил голос Олег.

Алексей встал и резко захлопнул дверь перед моим носом, ключ повернулся в замке.

— Ты, умник... — услышала я, потом послышалась какая-то возня. Через несколько минут все стихло. Я стояла возле двери, сцепив руки на груди, и не сразу сообразила, что Сашка, держась за мой подол, испуганно шепчет:

— Мама, почему дядя закрыл дверь?

— Все хорошо, — пробормотала я, хватая ее на руки.

Дверь распахнулась, и я увидела Алексея, он привычно устроился в кресле, точно готовился посмотреть телевизор, в нашу сторону вроде бы не взглянул. Где-то через полчаса спросил:

— Ужинать будете?

— Да, — кивнула я, удивляясь: раньше он не спрашивал, а просто приносил еду в термосах.

Он толкнул ко мне столик на колесах с термосами и пластиковой посудой и уставился на меня. Это было неприятно, и я поспешно отвела взгляд.

Нам бы следовало вымыть руки, но о том, чтобы лишний раз отпустить с ним ребенка, и речи не могло быть, поэтому я торопливо принялась раскладывать кашу по тарелкам. Как и обещал неизвестный похититель, кормили нас хорошо, с учетом того, что один из пленников ребенок. Алексей все еще тарасился на меня, как будто собирался что-то сказать, но передумал, и я уже решила, что свое обычное молчание он не нарушит, но он вдруг заявил:

— Зря ты на него рассчитываешь. Он не поможет. Хоть он и дурак, конечно, но не до такой же степени.

— Он просто принес девочке игрушки, — нахмурилась я. Начало разговора мне не понравилось.

— Все с чего-нибудь начинается, — усмехнулся он, — но это плохая идея.

— Вам известна хорошая? — не выдержала я.

— А у тебя характер, — вдруг заявил он, немного помолчав. — Тебе ведь сказали, сиди и жди. Только и всего.

Я надеялась развить эту тему, но он замолчал так же неожиданно, как и заговорил. Начать разговор первой я не решилась, и вечер закончился как обычно. Несколько раз я ловила его взгляд, в нем не было ничего, кроме внимания. «Человек сидит и наблюдает за другими людьми, выполняет свою работу, — мысленно усмехнулась я. — Для него это просто работа, за которую платят деньги».

Ночью я опять не спала, прислушивалась к Сашкиному дыханию и думала об Олеге. Я думала о нем даже больше, чем о муже. «Не стоило ему

так явно демонстрировать свою симпатию к нам, — с сожалением и даже злостью решила я. — Он только все испортил. Если этот псих донесет о его поведении хозяевам, они будут очень осторожны, в лучшем случае его уберут отсюда, а в худшем... Этот псих прав, глупо рассчитывать на его помощь». И все-таки я надеялась. Я тарасила в стену напротив, спиной чувствуя чужой взгляд и пытаюсь придумать, как завести разговор с Олегом. Что и как ему сказать, чтобы убедить... Все, что приходило в голову, никуда не годилось. А вдруг завтра он уже не придет? Я закусила губу, чтобы не зареветь, подумала с отчаянием: «Надо было раньше...» Что раньше? А вдруг они не обманывают, вдруг нас отпустят и мы через пару недель окажемся дома?.. Здесь, в этой комнате, в такое верилось с трудом.

Когда Олег появился, лицо его украшал здоровенный синяк. Дождавшись Славкиного ухода, я спросила:

— Это он вас?

— Ерунда. Считает себя крутым, ну и на здоровье. Как Сашенька, все в порядке?

— Да, спасибо. Правда, она который день в этой комнате, а здесь даже форточку открыть невозможно.

— Я могу с ней погулять, — легко предложил Олег, — возле дома, но вас придется запереть здесь. Не обижайтесь.

— А если об этом узнают?

— Мы попросим Сашу никому не рассказывать.

— Не думаю, что это разумно. Я не хочу, чтобы у вас были неприятности и у меня тоже. Мы одни в доме?

— Сейчас да.

— Значит, вы приезжаете из города?

— Ангелина Петровна, — мягко улыбнулся он, — это как раз те сведения, которые вам знать не положено.

— Извините, — поспешно отступила я.

— Да, мы приезжаем из города. Это все, что я могу вам сказать. И еще: уверяю, вам нечего беспокоиться. Вас отпустят. Иначе я бы здесь не сидел. Понимаете? Одно дело посторожить женщину с ребенком, и другое... другое ни за какие бабки. Я никогда бы не подписался на такое дело, если б не был уверен... Все будет хорошо, — закончил он.

— У меня нет вашей уверенности, — ответила я, отводя взгляд. — Я не знаю, что это за люди и чего они хотят от моего мужа. Думаю, все-таки денег. Похитители очень редко отпускают заложников, хоть вы и пытаетесь убедить меня в обратном. Я не могу не бояться; если б я была одна, но... но ребенок... Помогите мне, — вдруг выпалила я, сама удивляясь, как это случилось.

— Помочь? — переспросил он в замешательстве, но тут же усмехнулся: — Вы в том смысле... Это было бы очень глупым поступком с моей стороны. Скорее всего, меня обнаружат в какой-нибудь яме с перерезанным горлом. Тот же Алексей весьма охотно проделает эту операцию. Его хлебом не корми, дай показать, какой он крутой.

— Мне не следовало просить вас об этом, — пробормотала я.

— Я вас понимаю, но и вы поймите... Если я узнаю, что вам что-то грозит, я... я помогу, клянусь. В отличие от многих людей угрызения совести для меня не пустой звук.

Очень хотелось верить в эти слова. Однако людям с совестью стоило выбирать работу более осмотрительно, об этом тоже забывать не следовало. И все же разговор придал мне уверенности. Теперь в стане врага у меня был друг, ну, если и не друг, то человек, мне сочувствующий. Принимая во внимание мое положение, это уже немало.

Когда Саша уснула, Олег предложил выпить чаю. Подкатил столик, устроил меня в кресле, а сам сел на лавку. Наверное, я могла бы выскочить и даже успеть добежать до двери, которая скорее всего заперта, но эта мысль даже не пришла мне в голову, раз Сашка спала в комнате и в настоящее время ее закрывала от меня спина Олега. Наверное, поэтому он чувствовал себя уверенно и не боялся неожиданностей.

— Я пирожные привез, — улыбнулся он, — вон там в пакете, достаньте, пожалуйста. Корзиночки Саше, она вчера сказала, что любит их. А вы любите эклеры, точно?

— Да, — кивнула я, — у вас хорошая память.

— Не жалуюсь.

— Почему вы это делаете? — решительно спросила я.

— Что? — удивился он, но было ясно, что вопрос понял, пожал плечами, вздохнул и виновато улыбнулся: — По разным причинам.

— Назовите хотя бы одну.

— Пожалуйста. Не люблю чувствовать себя сволочью. Этого достаточно?

— Нет, — настаивала я, может быть, из упрямства, но скорее всего действительно хотела понять.

— Конечно, мне следовало хорошо подумать, прежде чем связываться с подонками. Согласен. Представляю, что вы думаете обо мне. Правильно думаете, — заметил он с горечью. — Только вы ведь ничего обо мне не знаете... Вы не знаете, как это жить с матерью-алкоголичкой в бараке, где крысы шныряют белым днем, а слово «таракан» дети произносят раньше, чем слово «мама». Вы не знаете... Извините, — запнулся он, — зря я это все говорю. Вы не виноваты, и никто не виноват.

— Я не хотела вас обидеть, — торопливо сказала я. — Иногда в самом деле стоит подумать о том, что обстоятельства бывают разные. Я не имею права...

— Все нормально, — перебил он и улыбнулся. — Для таких, как я, в этой жизни дорог не так уж много. Можно продолжать счастливую жизнь в бараке, честно трудиться, это, кстати, тоже выход. Годам к сорока сможешь купить квартиру в «хрущевке» на окраине, если раньше не запьешь с горя. А как не запить, когда вокруг нищета да еще дурная наследственность. Можно, конечно, попытаться заработать деньги, но это парню вроде меня ох как непросто. Школу я закончил неплохо и в институт смог бы поступить, но вместо этого пошел в армию. А в армии своя школа, в основном учат, как сберечь шкуру и укокошить ближнего своего. Скажем прямо, не по-христиански. И после армии лучше не стало. Одно хорошо — двоюродная сестра приютила, на работу устроил-

ся, но не мог же я у нее на кухне жить, надо и совесть иметь, а снимать квартиру мне не по карману. И в один прекрасный момент ты посылаешь всех к черту и говоришь себе: я хочу денег, и мне плевать, как я их заработаю.

— Очень жаль, — серьезно сказала я, когда он замолчал.

— Что?

— Очень жаль, что вам плевать, — ответила я. — Моя жизнь до встречи с мужем вовсе не была безоблачной, впрочем, я не считаю ее какой-то особенной. Не у одной меня мама умерла, когда мне было десять лет. Отец женился вторично, и у него были еще дети, а мне особо никто внимания не уделял. Я училась и работала, жила в общежитии, четыре девчонки в одной комнате. Конечно, мне повезло, а вам нет, я встретила Анатолия, но могла ведь и не встретить. Не знаю, возможно, мне бы тоже все надоело и денег бы наверняка захотелось, но я все-таки верю, что «все равно» мне бы не было.

— Да, наверное, — глядя на меня, кивнул Олег. — Вы из другого теста. Поэтому я и чувствую себя рядом с вами... как бы это поточнее выразиться... — Он не успел договорить, мы услышали шаги и испуганно переглянулись. Он посмотрел на часы, а ключ в дверном замке уже поворачивался. Единственное, что мы успели, поменяться местами, Олег сел в кресло, а я откатила столик. Труд напрасный, и так было ясно, чем мы тут занимались. Алексей, конечно, понял, а появился именно он, хотя до его смены оставалось часа три.

— Ты рано, — заметил Олег, голос его предательски дрогнул.

— Кое-что забыл вчера, — усмехнулся Алексей, но смотрел при этом не на Олега, а на меня. Под этим взглядом я почувствовала себя крайне неуютно и торопливо опустила глаза. — А у вас тут мило, — продолжал веселиться он, — по-домашнему. Девчонка не мешает, а то я могу посидеть с ней в кухне, пока вы тут развлекаетесь?

— Ты что, спятил? — нахмурился Олег, косясь в угол, где спала Сашка.

— Я — нет, — удивился Алексей. — Это у тебя с мозгами проблемы. Причем большие. Скажи спасибо, что я помалкиваю о твоих выкрутасах, стукачество не в моей натуре, но тебе я скажу: завалишь дело, я тебе башку оторву. Понял? — Он пошел к двери, но Олег его остановил:

— Подожди, послушай... мы просто разговаривали.

— Ты кому вкручиваешь, придурок? — разозлился Алексей, резко поворачиваясь к Олегу. — Думаешь, я не соображаю? Ладно, ее я как раз понять могу, ей надо выбраться отсюда, и она, чтобы добиться своего, пойдет на все, про папу-маму расскажет и про большую любовь охотно загнет. А ты чем думаешь, кретин? Как только она окажется возле своего богатенького мужа, ты ей будешь нужен как прошлогодний снег. Она даже не вспомнит, как тебя зовут, а ты башкой рискуешь. — Он вышел, громко хлопнув дверью, ключ в замке повернулся, и стало тихо.

Я разглядывала пол у себя под ногами. Олег вздохнул и потер лицо руками, как человек, который борется со сном.

— Это неправда, — наконец сказала я.

— Я знаю, — ответил он и тоже отвел взгляд.

Оставшееся время мы провели в молчании. Олег выглядел угрюмым. Выходка Алексея, должно быть, произвела на него сильное впечатление. Я чувствовала, что необходимо собраться с силами и поговорить с Олегом, чтобы не лишиться единственного друга, но все слова казались фальшивыми, и я знала, что не смогу произнести их. Когда закончилась его смена, я почувствовала что-то вроде облегчения. Но только до того момента, пока вновь не увидела Алексея.

Когда он появился, я читала Сашке сказку и сидела к нему спиной, стараясь никак не реагировать на его приход, но и спиной чувствовала его взгляд, насмешливый, даже издевательский, а еще в нем была злость, и это меня по-настоящему пугало. С его точки зрения, я могу лишиться его денег, следовательно, я враг. А с врагами не церемонятся. Он не произнес ни слова, и я к нему обратилась лишь однажды, когда Саше потребовалось в туалет. Вечер никогда не казался мне таким тягучим и страшным, а когда мы легли спать, стало даже хуже. Страх ощущался физически, он стал почти материальным, и я как-то отрешенно и без трепета подумала: «Скоро умру», но даже мысленно боялась произнести «убьют», не из-за себя, из-за Сашки.

На следующий день я ждала Олега с беспокойством и нетерпением. Мне хотелось, чтобы он быстрее пришел, чтобы томительное ожидание наконец разрешилось, но я боялась, что он, как накануне, будет молчать, превратившись из друга во врага, и эта мысль приносила мне страдания. Не только потому, что сводила мои шансы спастись к нулю, мне не хотелось в нем разочаровываться, и

это открытие буквально поразило меня. «Я слишком много о нем думаю», — испугалась я и всецело сосредоточилась на Сашке. Мы рисовали, когда пришел Олег, широко улыбнулся мне, и я вдруг ощутила нечто подозрительно напоминающее счастье и заплакала, сама не знаю почему. Может, сказалось нервное напряжение, но слезы катились из моих глаз горохом, я поспешно отвернулась. Сашка не могла их не заметить и испугалась:

— Мапочка, почему ты плачешь?

— В глаз что-то попало, — ответила я, торопливо достав платок.

Когда за Славой закрылась дверь, Олег подошел, присел на корточки напротив нас, погладил Сашкины волосы, а потом взял меня за руку.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он тихо.

Я кивнула, потому что ничего другого мне не оставалось. Конечно, мы могли бы просто сбежать отсюда, раз в доме только он и мы, добраться до ближайшего телефона, позвонить мужу. Разве я могу требовать этого от Олега? Сценарий, предложенный Алексеем... я возвращаюсь к мужу, а он... Анатолий поможет Олегу, он начнет новую жизнь, далеко отсюда, там, где будет в безопасности. Я очень хотела ему сказать об этом — и не могла.

День прошел спокойно, Олег с Сашкой рисовали, потом мы вместе играли в детское лото, которое принес Олег, и старательно избегали любого упоминания о том, что мы в заточении. Со стороны все, должно быть, выглядело идиллически: семья где-то на даче, обожаемый ребенок, счастливые родители... От этого на душе становилось особенно скверно. Я должна его уговорить, под-

толкнуть... я не могу рисковать дочерью... Уложив Сашу спать, я решила принять душ. Олег, не отступая от правил, запер дверь в комнату, где спал ребенок. Я уже входила в душевую, когда он неожиданно меня остановил, коснулся рукой моего плеча. Я повернулась и увидела его лицо в нескольких сантиметрах от моего лица, его руку на моем плече. «Почему бы и нет?» — мелькнуло в голове. Я хотела закрыть глаза и шагнуть ему навстречу, а вместо этого испуганно попятилась. Он сразу же убрал руку и отвернулся, не сказав ни слова.

Я боялась выходить из душа, боялась встретиться с ним взглядом. Я уже знала, что не смогу заставить себя, ложь во спасение оказалась не для меня, я просто не сумею, он все поймет и возненавидит меня. Я сделаю только хуже.

Когда я наконец вышла из душа, Олег сидел в кресле, уставившись в закрытую дверь перед собой. Я встала рядом, не произнеся ни слова, он открыл дверь, и я оказалась в комнате, устроилась на лавке, поджав ноги и обхватив колени руками.

— Я тебе книгу принес, — сообщил Олег, — как ты просила. Не знаю, понравится или нет. Сестра сказала, хорошая. — Он протянул мне книгу «Поющие в терновнике».

— Я ее читала, — сказала я, взяв книгу.

— Да? Завтра принесу другую.

— Не надо. Еще раз перечитаю. Спасибо тебе, — добавила я и только тогда сообразила, что мы перешли на «ты». Было поздно что-то менять, и я только грустно улыбнулась этой мысли.

Проснулась Саша, и оставшееся время мы провели за чтением сказок. Я старательно избега-

ла его взгляда, а он смотрел на меня, хмурился и отвечал Сашке невпопад. А я ждала, вот сейчас, сейчас он скажет: «Все, поехали отсюда», и кошмар кончится. Он не сказал, и я не винила его за это.

В ту ночь я горько плакала, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не потревожить Сашку, и совершенно не обращая внимания на своего стража, который лениво жевал, развалился в кресле, и корила себя за то, что, наверное, должна была сделать, но не сделала. Что я за мать, если не могу спасти своего ребенка?

Я уснула только под утро и потому спала дольше обыкновенного, где-то часов до восьми. Алексей на посту сменил Слава, и меня это порадовало. Но ненадолго, потому что то утро стало для меня настоящим кошмаром. В девять проснулась Сашка, мы позавтракали и устроились на лавке рисовать. Через полчаса хлопнула входная дверь, раздались шаги, по производимому шуму стало ясно, прибыло несколько человек. Я еще не успела по-настоящему испугаться, как в комнате появились трое: тот самый мужчина лет сорока, что привез нас сюда, какой-то парень и Алексей. Старший выглядел хмурым и чем-то недовольным. В комнате было жарко, и Сашка ходила в шортах, майке и босиком.

— Обуйте девочку, — сказал старший, — и наденьте на нее кофту, наверное, будет дождь.

Я повиновалась, боясь задавать вопросы. Ясно, что нас куда-то увозят. Куда, зачем? Неужели отпустят? Неужели все кончилось? Я и сама в это не верила.

— Я должна собрать вещи? — все-таки спросила я.

— Не надо. Они не понадобятся. Возьми ребенка, — кивнул он парню.

Тот подхватил Сашку на руки, а я вцепилась в его локоть.

— Я сама понесу.

— Это на тот случай, если вам взбредет в голову попытаться бежать, — отмахнулся старший. — Выходите по очереди, сначала ребенок, потом вы.

— Я вам обещаю, я... Пожалуйста, можно я сама понесу дочь? — попросила я, чувствуя, как все вокруг начинает стремительно кружиться.

— Иди, — кивнул он парню.

Тот пошел. Сашка испуганно замерла, глядя на меня своими огромными ярко-синими глазами, сжала кулачки, чуть приоткрыла губы и тоненько позвала:

— Мама...

— Я иду, Сашенька, — попыталась улыбнуться я. — Не бойся, я уже иду. — И шагнула вперед.

— Вы на некоторое время останетесь здесь, — заявил старший.

— Что? — охнула я. — Куда вы увозите ребенка? Вы... — Я бросилась вперед, но успела сделать только два шага: Алексей уперся кулаком в мою грудь, точно пригвоздив меня к стене, и тихо сказал:

— Не ори. Напугаешь девчонку. Она же слышит.

Они вышли из комнаты, дверь захлопнулась. Я сползла по стене, в последнем усилии пытаюсь

цепляться за реальность, чтобы не лишиться сознания, но мир вокруг заволокло черным, и он перестал иметь значение.

Очнулась я через несколько часов. Возвращение в этот мир было мучительным, а первым, кого я увидела, стал Алексей, он сидел в кресле и по обыкновению пялился на меня. Должно быть, была его смена, значит, прошло по меньшей мере несколько часов.

Я лежала на постели, под одеялом, выходит, кто-то меня сюда перенес, повернула голову, и взгляды наши встретились, это длилось очень долго, пока я наконец не смогла произнести:

— Где ребенок? Где мой ребенок? — повторила я, вскакивая, но переоценила свои силы, все тут же поплыло перед глазами. Скорее всего меня накачали какой-то дрянью, пока я была в отключке. Я прислонилась к стене, но даже так стоять было трудно, и я вновь оказалась в постели. Я продолжала смотреть на Алексея, и он, не отводя взгляда, наконец ответил:

— Тебя предупреждали: будешь дергаться, свяжут и заткнут рот. Тебе оно надо? Вот и лежи спокойно. Два раза повторять не буду.

— Где мой ребенок? — опять спросила я.

Он усмехнулся:

— Не беспокойся. Ничего страшного не произошло. Девочка жива и здорова. Теперь заткнись и не зли меня.

Я ему не верила. Куда и зачем увезли Сашку? Зачем разлучать меня с ребенком? А если они вернули дочку Анатолию? Он заплатил, и они реши-

ли отдать ребенка. Это вряд ли опасно для них. Что сможет рассказать Сашка? Жили в доме, с мамой, гулять не ходила, познакомилась с дядей Олегом, у которого есть девочка Таня. Если вдуматься, не так уж и мало, кое-какие сведения можно выудить даже у ребенка. Надеюсь, они все-таки вернули Сашку. Тогда почему мне не сказать об этом? Чего проще? Я бы перестала волноваться... Ерунда, конечно, я бы им все равно не поверила. А если они решили избавиться от нас? Убить ребенка не так легко, даже самому отпетому негодяю. Что, если Сашку отвезли в другой город, бросили где-нибудь на вокзале?.. Или еще хуже, где-то в лесу... Господи, нет, не думать об этом, не думать... Сашка дома, с отцом. Пожалуйста, господа, пусть все так и будет.

Голову разламывало страшной болью. Может, меня отравили, и теперь я медленно умираю? С них станется. Мысли путались, я хваталась за них, но с каждым разом это было все труднее.

Кажется, несколько раз я приходила в себя, воспоминаний об этом почти не осталось. Из памяти всплывает женское лицо, молодое или старое, не помню, оно наклоняется ко мне, потом чей-то голос совсем рядом, он отдается в голове, причиняя невыносимую боль, слов я не понимаю, точнее, для меня непонятен их смысл.

Вновь тишина, голову больше не сдавливало горячим обручем, я с облегчением вздохнула и подумала, что очень хочу спать, и, наверное, уснула, а когда открыла глаза, увидела рядом с собой Олега. Он держал меня за руку, осторожно поглаживая пальцы.

— Ты меня слышишь? — позвал он, и я кивнула.

— Слава богу, — вздохнул он и улыбнулся. — Ты меня здорово напугала.

— Где Сашка? — спросила я, язык не слушался, он казался огромным, я попробовала облизнуть губы, Олег сразу же протянул мне стаканчик с водой, помог напиться. Когда голова моя оказалась на подушке, он вновь заговорил:

— С Сашей все хорошо. Ее вернули твоему мужу.

— Это правда? — с надеждой спросила я.

— Конечно. Ты же знаешь, я не стал бы тебя обманывать. Тут все здорово перепугались, когда ты слегла. А это значит, что ты нужна им живой и здоровой. Понимаешь?

— Да... кажется. Они отпустят меня?

— Конечно. Уверен. С чего бы им тогда беспокоиться о твоём здоровье? Как ты себя чувствуешь? — немного понаблюдав за мной, спросил он.

— Нормально. Если ты сказал правду...

— Я сказал правду.

— Только бы это было так, — прошептала я. — Сашка с отцом, и ей ничего не грозит.

— Она с отцом, успокойся. Хочешь, приготовлю тебе чаю? Тебе обязательно надо поесть.

— Нет, спасибо...

— Послушай меня. Я хочу, чтобы Сашенька увидела тебя такой, как обычно: очень красивой, улыбающейся, а не такой, как сейчас, с запавшими щеками и глазами красного цвета.

— Должно быть, выгляжу ужасно, — слабо улыбнулась я.

— Для меня ты всегда красива, но если ты мне

немного поможешь, например, для начала выпьешь бульон, то через три дня от твоей болезни и следов не останется.

— Хорошо, — согласилась я и выпила бульон, не чувствуя его вкуса.

— Отлично, — похвалил Олег. — У меня для тебя еще одна хорошая новость. Я буду дежурить шестнадцать часов. Славка понадобился в другом месте, а я вызвался трудиться за двоих.

— Спасибо тебе, — кивнула я.

— Не благодари. Я сам рад. Если б меня спросили, я охотно согласился бы дежурить все двадцать четыре часа. Когда я дома, думаю только о том, что поеду сюда, и тороплю время. Оно, как назло, идет медленно, а здесь проходит слишком быстро. Теперь мы будем расставаться лишь на восемь часов... Может, подложить еще одну подушку? Будет удобнее.

— Нет, спасибо. Так хорошо.

Мы выпили чаю, и я опять уснула. Проснувшись, я почувствовала себя вполне выздоровевшей и даже решила принять душ. Я расчесывала волосы, сидя на лавке, а Олег наблюдал за мной. Иногда он вдруг становился молчаливым, и это меня беспокоило. Но такое случалось редко. В основном мы болтали о всяких пустяках, старательно избегая запретных тем. Неожиданно он спросил:

— Ты его любишь?

— Кого? — растерялась я, не сразу сообразив, что он имеет в виду.

— Мужа. Ты очень его любишь?

— Да... конечно, — ответила я неуверенно, по-

тому что испугалась: он не должен был спрашивать, это одна из запретных тем.

— Как он выглядит?

— Выглядит? Обыкновенно, то есть я считаю, что он очень красив, у него лучшая в мире улыбка и... Извини. Ты ведь не это хотел услышать?

— А ведь он прав, — сказал Олег с горечью. — Конечно, прав.

— Кто прав?

— Алексей. Когда все кончится и ты окажешься со своим мужем, ты даже и не вспомнишь обо мне.

— Что нам мешает быть друзьями? — неуверенно предложила я.

— Друзьями, — хохотнул он. — Не смейся. Друзьями... Ты и думать обо мне забудешь.

— Неправда, — повысила я голос.

— Нет, ты не забудешь... Конечно, нет... — Голос его изменился, и теперь в нем слышалась злость. — Возможно, даже в гости пригласишь, чтобы я полюбовался вашим счастьем. Это будет просто здорово... В самом деле здорово, ты, я и твой муж... — Он засмеялся, глядя на меня.

Я поежилась от этого взгляда и от этого смеха и спросила:

— Ты поэтому не хочешь мне помочь?

Он тут же перестал смеяться и переспросил:

— Помочь? Смыться отсюда? Конечно, я должен тебе помочь, чтобы ты могла вернуться к своему мужу. И я больше никогда не увижу тебя...

— Но ведь это не может продолжаться долго? — сглотнув, спросила я. — Не будут же они вечно держать меня здесь?

— Почему бы и нет? — улыбнулся он, и я вдруг

подумала, что он спятил. — Я бы не возражал. Так, по крайней мере, я могу видеть тебя каждый день.

— Это ведь тюрьма для меня, — сказала я тихо. Впечатление, что он неожиданно спятил, только усилилось. — Нет, гораздо хуже тюрьмы, там, по крайней мере, знаешь, за что сидишь и когда отпустят. Олег, пожалуйста, помоги мне, — всхлипнула я. — Я знаю, что не имею права просить тебя об этом... Мне бы только позвонить мужу, убедиться, что Сашка дома.

— Она дома, клянусь. Я сам видел, как ее передали твоему мужу.

— Ты говоришь правду? — нахмурилась я. — Ты видел моего мужа?

— Не пытайся меня подловить. Я видел, как девочку забрал мужчина, и я знаю, что забрать ее должен был твой муж. Этого достаточно? Слушай, почему мы говорим о твоём муже? Почему бы нам не поговорить о нас с тобой?

Он подошел и взял меня за руку. Я попыталась освободить ее, но он рывком поднял меня и теперь держал за локти, я попробовала отстраниться, но мешала лавка.

— Олег, — пробормотала я испуганно.

— Ты боишься меня? — вроде бы удивился он и отступил на шаг. — Ты в самом деле меня боишься? Глупенькая... — Он торопливо обнял меня и принялся целовать, а я с трудом подавила в себе желание закричать. Наверное, я бы ударила его, если бы он неожиданно меня не отпустил. — Ты ведь любишь меня? Любишь? Скажи, что любишь... Да соври ты, дура! — крикнул он, я таращила на него глаза, не в силах вымолвить ни слова, а он говорил, точно в бреду: — Ты такая краси-

вая... Ты даже не знаешь... Конечно, знаешь, не один я тебе это говорю. Все мужики от тебя без ума, и ты к этому привыкла. Тебе наплевать, что я чувствую.

— Нет, — перебила я, — мне не наплевать. Я... я не знаю, что тебе сказать. Что я могу сказать? Я люблю мужа, и с этим ничего не поделаешь. Я не хочу тебя обманывать даже ради того, чтобы сбежать. Пожалуйста, прости меня.

— Ты не то говоришь, — тихо и убежденно сказал он, — не то... Ты все выдумала, нет никакого мужа. Есть ты и я. И больше никого. — Он притянул меня за плечи, руки его шарили по моему телу, вызывая у меня отвращение. — Ты ведь тоже этого хочешь, ты хочешь...

— Нет, — ответила я твердо, стараясь быть спокойной.

— Нет?

— Нет.

Он легонько оттолкнул меня и горестно покачал головой:

— Конечно, я тебе не нужен. На кой я тебе черт? Да тебя с души воротит от такого, как я.

— Дело не в тебе, — стараясь быть терпеливой, заговорила я. — Я замужем и люблю своего мужа, вот и все.

— Любишь... — кивнул он, вышел из комнаты и захлопнул дверь.

Ключ в замке повернулся, а я теперь горько сожалела, что нам придется проводить вместе так много времени. Мы одни во всем доме, и у меня нет уверенности, что он не решит воспользоваться ситуацией. Взгляд мой метался по комнате, натываясь на привычные предметы. Ничего такого,